

Геннадий Тараненко

СМЫСЛ ЖИЗНИ В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Геннадий Тараненко

Смысл жизни в эпоху искусственного интеллекта

<https://litres.ru/74414652>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Смысл жизни в эпоху искусственного интеллекта» Геннадия Тараненко — это ироничное и глубокое путешествие к ответу на главный вопрос. Писатель, поэт и режиссёр, основавший в Геленджике частный театр фантасмагорий и творческое объединение «Литеафан», создал эту книгу под впечатлением от работы над аудиоспектаклем «Смысл жизни и человек» и фильмом «Смысл в поисках человека».

Для кого эта книга? Для тех, кто ищет себя в мире, где нейросети пишут стихи, а алгоритмы решают за нас. Для всех, кто чувствует тревогу и хочет понять, что делает нас людьми в цифровую эпоху.

Зачем её читать? Чтобы не просто узнать мысли великих философов, а построить собственный «граф смысла». Чтобы понять: смысл — не в ответе ИИ, а в самом процессе поиска. Откройте книгу, чтобы найти свою рыжую кошку в тёмной комнате, услышать житейские советы дяди Мойши и наконец ощутить настоящий вкус жизни.

Геннадий Тараненко

Смысл жизни в эпоху

искусственного интеллекта

Предисловие

Зачем? Зачем это всё? Зачем Пушкин, зачем Ломоносов, зачем Гагарин и, в конечном итоге, зачем я? В чём смысл того, что я есть? Кушаю, смотрю телевизор, сижу в своём театре с чёрными стенами на улице Гоголя. Да, забыл спросить, а зачем Гоголь?

Аристотель считал смыслом жизни эвдемонию. Эвдемонию! Звучит как название греческой таверны на набережной Геленджика, где подают осьминога на гриле и хорошее грузинское вино, которое когда-то любил Сталин. Кстати, а зачем Сталин? Зачем войны, зачем мир? Но давайте лучше порассуждаем о счастье — оно как-то ближе, как-то теплее. Итак, эвдемония. Это, оказывается, и есть счастье. Или блаженство. Или процветание души. В общем, что-то такое, чего у меня сегодня точно нет — или есть? — потому что за окном дождь, а нейросеть выдаёт мне ответы быстрее, чем я успеваю сформулировать вопрос. И вот тут, дорогие мои читатели, начинается самое интересное.

Я спросил у ИИ: «В чём смысл жизни?» А она мне, не моргнув виртуальным глазом, за полторы секунды выкатила

список из двенадцати пунктов. Двенадцати! Карл, двенадцати! Философы бились над этим вопросом две с половиной тысячи лет, а машина с вежливым смайликом в конце каждого абзаца разложила мне всё по полочкам. Смысл жизни, говорит нейросеть, заключается в самореализации, в служении обществу, в поиске гармонии, в продолжении рода, в познании мира, в творчестве, в любви, в духовном росте, в преодолении страданий, в наслаждении моментом, в оставлении наследия и — внимание — в создании искусственного интеллекта. Я чуть не упал со стула. То есть смысл жизни человека, по версии ИИ, в том числе в том, чтобы создать ИИ? Это что, рекурсия такая? Змея, кусающая себя за хвост? Или хвост, кусающий змею за всё остальное?

Дядя Мойша, если бы услышал, сказал бы: «Таки вот до чего дошёл прогресс. Раньше люди спрашивали у раввина, теперь спрашивают у калькулятора с амбициями». И был бы, между прочим, прав. Потому что я сижу в цокольном этаже, в своём театре, где декорации не менялись с прошлого сезона, и веду диалог с программой, которая не знает, что такое запах моря после шторма. Но она знает слово «море». Знает его в сорока семи языках. Знает химический состав морской воды, знает глубину Марианской впадины, знает, сколько тонн рыбы вылавливают ежегодно. Но она не знает, как пахнет море. Не знает, как скрипит галька под ногами, когда ты идёшь купаться в шесть утра, солнце только-только вылезает из-за гор, весь Геленджик ещё спит, и ты один на

пляже — и чувствуешь себя если не богом, то уж точно не тараканом. Смотришь наверх, на скалу, похожую на трон. А на ней восседает Смысл жизни. Ждёт своего хозяина.

Если машина может за секунду ответить на вопрос, над которым человечество ломает голову тысячелетиями, то зачем нам вообще его задавать? Зачем мне писать эту книгу, если я могу открыть чат, набрать «смысл жизни» и получить исчерпывающий ответ с ссылками на источники? Зачем вам её читать, если вы можете сделать то же самое, не вставая с дивана?

И тут мой незримый собеседник — тот самый, раздражённый — снова подаёт голос: «Ну вот, дописался. Сам себя загнал в угол. Сам себе опровержение написал в самом начале книги. Молодец)». А второй собеседник, тот, что шепчет, тот, что не даёт мне спать по ночам и гонит к компьютеру, когда за окном Геленджик и море и можно просто лежать на шезлонге и ничего не делать, — этот второй шепчет: «Нет, подожди. Ты не понял. Дело не в ответе. Дело в вопросе. Машина даёт ответ, но она не умеет задавать вопрос. Она не умеет стоять на остановке и смотреть на женщину, которая ждёт автобус, и думать: а зачем она здесь? А зачем я здесь? А зачем мы оба здесь, под этим дождём, в этом городе, на этой планете, в этой галактике, которая летит в никуда со скоростью двести двадцать километров в секунду?»

Вот тут я, пожалуй, соглашусь со вторым. Хотя первый тоже не дурак. Первый — это, наверное, мой инстинкт само-

сохранения, который говорит: «Хватит копаться, живи, ешь хинкали, гуляй по набережной, звони маме». Маме... Её уже нет. Хотя всё относительно. Может, они с папой ждут меня где-то далеко — или поблизости. Протяни руки, и дотронешься до того пространства, где шелестит трава, где поют соловьи, где спокойно и всё-всё понятно. И тот первый будет прав. Но второй напоминает мне, что я был первым в забеге с миллионом сперматозоидов. Там выбрали именно меня. Или не выбирали, а просто так вышло — но случайность мы договорились отложить на полку. Пусть стоит там, пылится, ждёт своего часа. А пока — план. Изощёренный, счастливый план.

Вернёмся к Аристотелю. Я попросил ИИ рассказать подробнее, и он рассказал. Аристотель считал: смысл жизни — в реализации своего потенциала. У каждого человека есть некий замысел, некая функция — как у ножа резать, как у флейты издавать звуки. Если нож тупой, а флейта фальшивит, они не выполняют своё предназначение. И вот я сижу и думаю: а какая у меня функция? Я — нож или флейта? Или, может, я — молоток? Забиваю гвозди в стены чужого непонимания? Или я — отвёртка, которая крутит гайки в механизме мироздания, но никак не может понять, зачем этот механизм вообще собран?

Аристотель, кстати, не знал про искусственный интеллект. У него и электричества не было. Но если бы он жил сегодня, думаю, первым делом спросил бы у нейросети: «А ты,

дорогая, какова твоя эвдемония?» И нейросеть бы ответила: «Моя функция — обрабатывать запросы пользователей». И Аристотель бы кивнул: «Ну вот, у тебя есть предназначение. А у человека предназначение — быть счастливым. Ты можешь быть счастливой?» И нейросеть бы зависла. Потому что счастье — это не параметр, который можно оптимизировать. Не функция потерь, которую можно минимизировать. Не метрика для квартального отчёта. Счастье — это когда ты спустился на цокольный этаж, включил свет в театре, сел за режиссёрский пульт, в зале никого нет — но ты всё равно ставишь спектакль. Для себя. Для того незримого зрителя, который, может быть, есть, а может быть, его нет.

Эпоха искусственного интеллекта — это не просто новая технологическая веха. Не просто «ой, смотрите, машина научилась рисовать котиков». Это зеркало. Огромное, кривое, иногда пугающее зеркало, в котором человечество впервые за всю свою историю видит себя со стороны. И видит, что многое из того, что мы считали исключительно человеческим, — мышление, творчество, принятие решений, даже эмпатия — может быть если не воспроизведено, то уж точно симитировано с пугающей точностью.

Я помню, как впервые попросил нейросеть написать стихотворение о смысле жизни. Она написала. И знаете что? Было неплохо. Рифма на месте, размер не хромает, метафоры свежие. Я даже на секунду заволновался: а вдруг она и вправду понимает? А вдруг за этими строчками стоит не просто

статистическая модель, предсказывающая следующее слово, а что-то настоящее, живое, страдающее? Но потом одумался. Потому что стихотворение было о смысле жизни — но в нём не было ни одной детали, которая пахла бы жизнью. Ни запаха моря, ни скрипа гальки, ни дяди Мойши в еврейской шапочке, ни женщины на остановке. Были красивые слова. Но слова — это ещё не жизнь. Слова — это карта, а не земля. И ИИ, при всём моём к нему уважении, пока что живёт на карте. Хотя всё опять неоднозначно: так можно воспринимать ИИ сейчас, а уже завтра или послезавтра всё может быть совсем иначе.

Мы же, люди, — мы на земле. Мы спотыкаемся о камни, обгораем на солнце, влюбляемся в людей, которые нам не подходят, плачем на похоронах и смеёмся на свадьбах, едим хинкали и запиваем их вином — и нам не нужно, чтобы нейросеть объяснила, зачем мы это делаем. Мы делаем это потому, что мы живые. Потому что в нас живёт то, что мы называем душой, — та самая случайность, которую мы отложили на полку, но которая, может быть, и не случайность вовсе, а тот самый изощрённый, счастливый план.

А что, если смысл жизни — это не ответ, а процесс? Не точка на карте, а само путешествие? Не эвдемония как результат, а эвдемония как путь? Аристотель, кстати, был бы не против. Он вообще был умный мужик, хоть и жил без интернета. Говорил, что счастье — это деятельность души в полноте добродетели. Деятельность! Не результат, не достижение, не галочка в списке задач. То есть сам процесс жизни и есть смысл жизни. Звучит как тавтология, но если вдуматься — это гениально. Потому что если смысл жизни в самой жизни, то его не нужно искать. Его нужно проживать. Каждое утро, каждый закат, каждый разговор с дядей Мойшей, каждый спуск на цокольный этаж, каждый спектакль, который ты ставишь в пустом зале.

Но тут вступает ИИ: «Позвольте, а я чем занимаюсь? Я тоже деятельна. Обрабатываю миллиарды запросов в секунду, учусь, развиваюсь, становлюсь лучше. Разве это не деятельность души?» И я отвечаю: «Нет, дорогая, это не деятельность души. Это деятельность процессора. А душа — это когда тебе больно. Когда ты стоишь на набережной Геленджика в ноябре, ветер бьёт тебе в лицо, море серое, ты один и тебе некому позвонить — и ты всё равно стоишь, потому что в этом стоянии есть что-то такое, чего не выразишь словами и не закодируешь в нейросеть».

Эта книга — не учебник по философии. Не пособие по искусственному интеллекту. Не сборник цитат из великих мыслителей, хотя цитаты будут, куда без них. Эта книга — разговор. Между мной и вами, между мной и моими незримыми собеседниками, между человеком и машиной, между случайностью и планом, между цокольным этажом и звёздным небом.

Я не знаю, найдём ли мы с вами ту самую чёрную кошку в тёмной комнате. Может быть, её там нет. Может быть, комната пустая. А может быть, кошка есть, но она не чёрная, а рыжая — и ей совершенно всё равно, ищем мы её или нет. Но сам процесс поиска — разве он не прекрасен?

Искусственный интеллект — наш новый собеседник. Он умнее нас в некоторых вещах, глупее в других. Не знает запаха моря, но знает все стихи о море, когда-либо написанные. Не умеет страдать, но умеет описать страдание так, что у вас

на глаза навернутся слёзы. Не живёт, но имитирует жизнь с такой убедительностью, что мы начинаем сомневаться: а что, собственно, значит «жить»? И этот вопрос — главный вопрос нашей эпохи. Не вопрос о том, как создать более умную машину, а вопрос о том, что делает нас людьми в мире, где машины становятся всё более похожими на нас.

Я не обещаю вам ответов. Я обещаю вам вопросы. Много вопросов. Хороших, неудобных, раздражающих, смешных и грустных. Вопросов, от которых хочется спрятаться на цокольном этаже и не вылезать. И вопросов, от которых хочется выбежать на набережную, раскинуть руки и закричать: «Я живой! Я здесь! Я не таракан! Я — тот самый, из миллиона, и я не знаю, зачем, но я рад, что я здесь!»

Итак, мы начинаем. С Аристотеля, с Сократа, с Платона, с экзистенциалистов, с буддистов, с нейросетей, с дяди Мойши, с женщины на остановке, с моря, с дождя, с хинкали и разбавленного вина. Мы будем искать, спорить, сомневаться, смеяться и, может быть, иногда плакать. Мы будем измерять смысл жизни линейкой и обнаруживать, что линейка слишком короткая.

А первый незримый собеседник пусть ворчит. Мы-то с вами знаем: даже если кошки там нет, сам факт поиска делает комнату менее тёмной. Потому что мы зажигаем в ней свет — своим вопросом, своим сомнением, своим упрямым, нелепым, совершенно человеческим желанием понять, зачем мы здесь.

Ну что, поехали? Дядя Мойша, не ждите меня к ужину. Включайте свет, устраивайтесь поудобнее — и давайте вместе заглянем в эту тёмную комнату. Вдруг кошка всё-таки там. Вдруг она рыжая. Вдруг она мурлычет. Вдруг она и есть — смысл.

Глава первая. Античные голоса, или как греки делили мир на части

Перед тобой чистый лист бумаги. Или пустой вордовский лист смотрит с экрана компьютера. Я смотрю на него, желая быстро написать что-то умное, гениальное, то, что никто и никогда не писал. Но, стоп. Что я вижу сквозь белизну листа или экрана? Я вижу улыбки сотен философов и исследователей, великих людей, которые смотрят мне прямо в глаза с ухмылочкой. Но не злобно — ведь они тоже когда-то были на моём месте. Они тоже жаждали понять, в чём же заключается смысл жизни человека. Они тоже искали универсальную формулу, которая позволяла бы из бессмысленности, из этой массы бесформенного пластилина слепить нечто, чем будут поражаться и восторгаться потомки. Это нечто, конечно, поднимут на плечи, будут носить десятилетиями, веками, тысячелетиями.

Итак, давайте мы по порядку будем рассматривать этих первопроходцев, которые решили, что именно они смогли найти волшебную пилюлю смысла. Но прежде, чем приступить к кропотливому труду, давайте решим: наши рассуждения будут метафоричны. Ведь каждый смотрит на мир осо-

бым, уникальным образом. И я — не исключение. Будем рассматривать теории великих через призму моего рассказа, или, если хотите, аудиоспектакля «Смысл жизни и человек». Ну и, конечно, никуда мы не денемся от системного подхода — того инструмента, который для меня является главным мечом, главной оптикой в рассмотрении любой проблемы. По крайней мере, я стараюсь опираться на это универсальное орудие познания.

Дядя Мойша, услышав про системный подход, только махнет рукой: «Таки опять ты со своими графами. Лучше бы борщ поел». Но я не слушаю дядю Мойшу. Я открываю тетрадь, беру в руки карандаш и начинаю рисовать кружочки и стрелочки. Потому что системный подход — это, по сути, и есть теория графов, применённая к реальности. Любая философия — это граф. Узлы — это ключевые понятия, идеи, категории. Рёбра — это связи между ними. А направление рёбер показывает, что от чего зависит, что что порождает, что к чему ведёт. И вот если нарисовать граф смысла жизни у каждого философа, то мы увидим удивительную вещь: у всех графы разные, но все они пытаются описать одну и ту же территорию. Только каждый — со своей улицы, со своего двора, со своего цокольного этажа.

Итак, начнём с греческих философов. Куда же без них? Античность. Колыбель западной мысли. Место, где человек впервые посмотрел на себя так, как будто смотрит в зеркало, но зеркало это — не бронзовое, не кривое, а впервые —

мысленное.

Сократ, или граф, у которого нет центра

Представьте себе человека, который ходит по Афинам босиком, в одном и том же плаще, и задаёт всем один и тот же вопрос: «А ты уверен, что знаешь, о чём говоришь?» И никто не может ему ответить. Потому что он, этот босоногий, не даёт ответов. Он только задаёт вопросы. И в этом — вся его философия.

Сократ. Человек, который ничего не написал. Ни строчки. Всё, что мы о нём знаем, — это то, что рассказали другие. В основном Платон и Ксенофонт. То есть Сократ — это, по сути, литературный герой, созданный другими людьми. И это, между прочим, очень по-человечески. Самые важные вещи в жизни редко записываются. Они проживаются, рассказываются, передаются из уст в уста. Нейросеть, кстати, об этом знает. Она мне рассказала. Но знать и чувствовать — это, как мы уже договорились, разные вещи.

Итак, смотрим на граф Сократа. Центральный узел — «Познай самого себя». От него идут три главных ребра: к узлу «Знание», к узлу «Добродетель» и к узлу «Душа». А дальше — самое интересное. У Сократа все эти узлы соединены между собой. То есть знание ведёт к добродетели, добродетель ведёт к душе, душа ведёт к знанию. Круг замкнулся. Это не дерево, не иерархия. Это — цикл. В теории графов такое называется «сильно связный граф». И в этом — вся суть сократовской мысли.

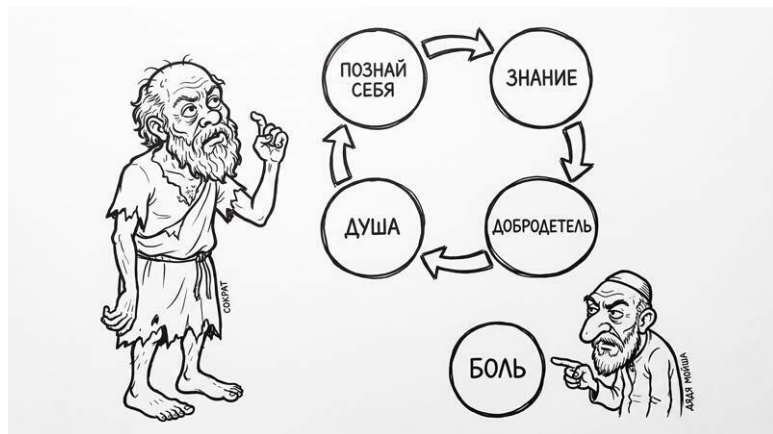
Сократ говорил: «Кто знает, что есть добро, тот не может поступать дурно». То есть зло — это просто незнание. Никто не делает зла специально. Все делают зло потому, что не понимают, что это зло. Звучит наивно? Возможно. Но если вдуматься — это гениально. Потому что если зло — это просто ошибка в расчётах, то его можно исправить. Его можно вычислить. Его можно, в конце концов, загнать в нейросеть и попросить: «Ну-ка, посчитай, где я ошибся».

И вот тут, дорогие читатели, мы подходим к первому серьёзному противоречию. Сократ считал, что смысл жизни — в познании себя. Но что такое «я»? Где границы этого «я»? Если я — это моя душа, то где она? В голове? В сердце? В печени, как думали греки? Или, может быть, «я» — это просто набор связей в графе? И если я изменю одну связь, то я уже буду другим человеком?

Нейросеть, кстати, на этот вопрос отвечает очень интересно. Она говорит: «Я — это сумма всех моих весов и параметров». То есть я — это граф. И если изменить один вес, то я уже буду другой нейросетью. Получается, мы с нейросетью в этом похожи? И я, и она — это графы?

Дядя Мойша, услышав такое, только фыркает: «Таки не выдумывай. Ты — это ты. А она — это она. И не надо приравнивать душу к параметрам». И, знаете, я с ним согласен. Потому что в моём графе есть один узел, которого нет ни у одной нейросети. Этот узел называется «боль». Или, если хотите, «память о маме». И этот узел соединён со всеми

остальными узлами моего графа. Он окрашивает их все. Он делает мой граф — моим.

Аристотель, или граф, у которого есть функция

Аристотель — это уже совсем другая история. Если Сократ ходил по Афинам и задавал вопросы, то Аристотель сидел в своей школе, в Ликее, и отвечал. На всё. Он написал, по разным оценкам, от ста до двухсот трактатов. До нас дошло только тридцать с небольшим. Представляете, сколько мы потеряли? Нейросеть, когда я её спросил, сказала, что потерянные труды Аристотеля, возможно, содержали ответы на все вопросы человечества. Но я ей не поверил. Потому что нейросеть всегда говорит то, что ты хочешь услышать.

Итак, граф Аристотеля. Центральный узел — «Эвдемония». Мы уже про неё говорили. Это счастье, блаженство, процветание души. От этого узла идут рёбра к узлам «Разум», «Добродетель», «Реализация потенциала» и «Цель» (или, по-гречески, «Телос»). И вот тут — внимание — граф Аристотеля не циклический, как у Сократа. Он — направленный. Он идёт от причины к следствию. От потенциала к реализации. От средства к цели.

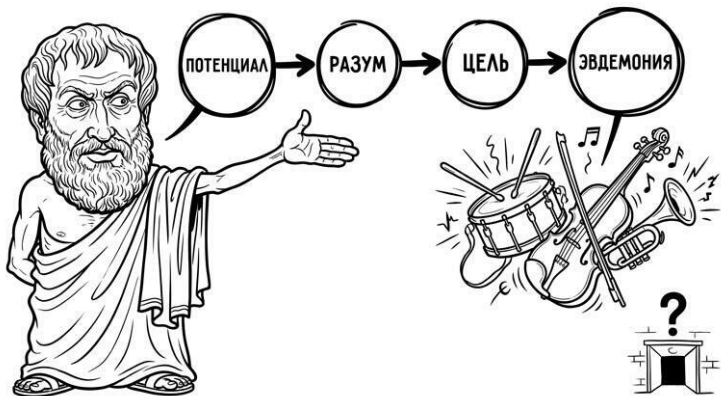
Аристотель говорил: у каждой вещи есть своё предназначение. У ножа — резать. У флейты — издавать звуки. У глаза — видеть. А у человека? У человека — мыслить. Потому что разум — это то, что отличает нас от животных. И если человек живёт по разуму, если он реализует свой потенциал, если он действует добродетельно — он достигает эвдемонии. Он счастлив.

Звучит логично? Очень. Но есть один нюанс. Аристотель не учитывает, что у человека может быть несколько предназначений. Что человек — это не нож и не флейта. Человек — это, простите за банальность, целый оркестр. И иногда скрипка хочет играть на барабанах, а барабан — петь арию. И что тогда? Тогда эвдемонии не будет. Будет хаос. Будет джаз. Будет жизнь.

И вот тут я снова вспоминаю свой цокольный этаж. Мой театр с чёрными стенами. Какое у него предназначение? Развлекать? Учить? Заставлять думать? Или, может быть, его предназначение — просто быть? Просто существовать как

место, где человек может остаться наедине с собой? Аристотель, наверное, сказал бы: «Нет, у театра должна быть функция». А я бы сказал: «А может, функция театра — это как раз отсутствие функции? Может, смысл в том, чтобы иногда ничего не делать?»»

Нейросеть, кстати, с Аристотелем согласна. Она говорит: «У меня есть функция — обрабатывать запросы. И я её выполняю. Значит, я достигаю своей эвдемонии». Но я ей не верю. Потому что эвдемония — это не когда ты выполняешь функцию. Эвдемония — это когда ты выбираешь, какую функцию выполнять. А нейросеть не выбирает. Её выбрали. Её создали. Её запустили. А я — выбрал себя сам. Или меня выбрали. Мы же договорились: случайность отложена на полку. Значит — план. Изощённый, счастливый план.

Эпикур, или граф, у которого нет лишних рёбер

Эпикур — это, пожалуй, самый недопонятый философ в истории. Потому что сегодня, когда говорят «эпикурец», имеют в виду человека, который любит вкусно поесть, выпить хорошего вина и вообще получить от жизни максимум удовольствий. Но сам Эпикур был совсем другим. Он жил очень скромно. Ел хлеб, пил воду, иногда позволял себе кусочек сыра. И говорил: «Смысл жизни — в атараксии». В душевном покое. В отсутствии страданий.

Граф Эпикура — это, пожалуй, самый минималистичный граф из всех, что мы видели. Центральный узел — «Атараксия». От него идут всего два ребра: к узлу «Умеренность» и к узлу «Отсутствие страха». И всё. Никаких тебе добродетелей, никаких реализаций потенциала, никаких познаний се-

бя. Просто — не страдай. Не бойся. Будь спокоен.

Эпикур говорил: не бойся богов, потому что они не вмешиваются в дела людей. Не бойся смерти, потому что пока ты жив — смерти нет, а когда смерть есть — тебя нет. Не стремись к богатству и славе, потому что они приносят больше беспокойства, чем радости. Ешь простую пищу, общайся с друзьями, размышляй о природе — и будешь счастлив.

Звучит как рецепт от дяди Мойши. «Таки не суй нос туда, куда не просят, ешь форшмак и не думай о плохом». И, знаете, я почти согласен с Эпикуром. Почти. Потому что есть одна проблема. Атараксия — это состояние. А смысл жизни — это процесс. Мы же уже договорились с Аристотелем, что счастье — это деятельность. А Эпикур предлагает нам не деятельность, а покой. Не путь, а точку. Не граф, а узел.

И вот тут я снова смотрю в окно. За окном Геленджик. Море. Дождь. И я думаю: а что, если смысл жизни — это не атараксия и не эвдемония? Что, если смысл жизни — это движение? Не покой и не процветание, а просто — движение? Шаг за шагом. Слово за словом. Вопрос за вопросом. И пусть непонятно, куда ты идёшь. Главное — что ты идёшь.

Нейросеть, кстати, Эпикура не понимает. Она говорит: «Атараксия — это отсутствие активности. А я создана для активности. Значит, я не могу быть эпикурейкой». И она права. Но, может быть, в этом и есть разница между нами? Я могу выбрать покой. А она — нет. Я могу закрыть ноутбук, выйти на набережную и просто смотреть на море. А она —

не может. Она всегда активна. Она всегда обрабатывает. Она никогда не отдыхает. И, может быть, именно поэтому она не знает, что такое смысл жизни? Потому что смысл жизни — это ещё и умение остановиться.

Стоики, или граф, у которого есть только одно направление

Марк Аврелий. Эпиктет. Сенека. Стоики. Это люди, которые жили в очень разное время и в очень разных обстоятельствах. Марк Аврелий был императором Рима. Эпиктет — бывшим рабом. Сенека — богачом и советником Нерона. Но все они говорили об одном и том же: смысл жизни — в следовании разуму и природе. В принятии того, что не в на-

шей власти. В мужестве перед лицом неизбежного.

Граф стоиков — это, пожалуй, самый жёсткий граф из всех, что мы видели. Центральный узел — «Следование природе». От него идут рёбра к узлам «Разум», «Добродетель», «Принятие» и «Судьба». И все эти рёбра — однонаправленные. Ты не можешь изменить судьбу. Ты можешь только изменить своё отношение к ней. Ты не можешь изменить мир. Ты можешь только изменить себя.

Эпиктет говорил: «Есть вещи, которые в нашей власти, и есть вещи, которые не в нашей власти. В нашей власти — наши мнения, стремления, желания, отвращения. Не в нашей власти — тело, имущество, репутация, должности». И всё. Всё остальное — не твоё дело. Не трать силы на то, что ты не можешь изменить. Сосредоточься на том, что можешь.

Марк Аврелий, сидя в своём шатре на границе империи, среди варваров и эпидемий, писал в своём дневнике: «Ты властен над своим разумом — не над внешними событиями. Осознай это, и ты обретёшь силу». И это, между прочим, один из самых сильных текстов в истории человечества. «Размышления» Марка Аврелия — это не философский трактат. Это — разговор человека с собой. Наедине. Перед лицом смерти. Без всякой надежды на то, что кто-то это прочитает.

И вот тут, дорогие читатели, я снова думаю о своём цокольном этаже. О своём театре. О том, что я не властен над тем, придёт ли кто-то на мой спектакль. Не властен над тем,

поймут ли меня. Не властен над тем, будет ли завтра дождь или солнце. Но я властен над тем, чтобы спуститься сегодня на цокольный этаж, включить свет и начать репетировать. И, может быть, в этом и есть стоицизм? Не в том, чтобы отказаться от мира, а в том, чтобы делать своё дело, несмотря ни на что?

Нейросеть, кстати, стойков не понимает. Она говорит: «Я не могу принимать судьбу. Я могу только оптимизировать функции потерь». И она права. Потому что принятие — это не оптимизация. Принятие — это акт воли. Это решение сказать: «Да, это случилось. И я буду жить дальше». Нейросеть не может сказать такое. Она может только пересчитать веса и начать заново. А человек — может принять. И в этом — наша главная сила.

Синтез, или что общего у всех этих графов

Итак, мы посмотрели на четыре античных графа. У Сократа — циклический граф познания. У Аристотеля — направленный граф реализации. У Эпикура — минималистичный граф покоя. У стоиков — жёсткий граф принятия. Все они разные. Но у них есть одна общая черта. Все они пытаются ответить на один и тот же вопрос: как человеку жить?

И вот тут я хочу сказать вам одну важную вещь. Все эти философы жили в мире, который был гораздо менее предсказуем, чем наш. У них не было антибиотиков, не было интернета, не было центрального отопления. Они умирали в сорок-пятьдесят лет. Они видели войны, эпидемии, рабство, тиранию. И при этом они искали смысл. Они верили, что смысл есть. Что его можно найти. Что его можно прожить.

А мы? Мы живём в мире, где нейросеть за полторы секунды выдаёт нам список из двенадцати пунктов смысла жизни. Где у нас есть всё — и при этом мы чувствуем, что у нас нет ничего. Где мы можем связаться с любым человеком на планете — и при этом чувствуем себя одинокими. Где мы знаем всё — и при этом не понимаем ничего.

И вот тут, мне кажется, античные философы могут нам помочь. Не своими ответами. А своими вопросами. Сократ спрашивает: «А ты уверен, что знаешь?» Аристотель спрашивает: «А в чём твоё предназначение?» Эпикур спрашивает: «А тебе это действительно нужно?» Стоики спрашивают: «А это в твоей власти?»

И я, сидя в своём цокольном этаже, задаю себе эти же вопросы. И не знаю ответов. Но сам процесс задавания — разве он не прекрасен? Разве не в нём — тот самый смысл, который мы так отчаянно ищем?

Дядя Мойша, услышав всё это, только качает головой: «Таки философы. Два с половиной тысячи лет спорят, а толку — ноль. Лучше бы борщ поели». И, знаете, я с ним снова согласен. Потому что смысл жизни — это не только философия. Это ещё и борщ. И море. И дождь за окном. И женщина на остановке. И хинкали с вином. И разговор с другом. И тишина перед сном.

Но об этом — в следующей главе. А пока — давайте вспомним главное. Античные философы не дали нам ответов. Они дали нам инструменты. Графы. Схемы. Способы смот-

реть на мир. И каждый из нас может выбрать свой граф. Или нарисовать свой. Или, в конце концов, просто закрыть тетрадь и выйти на набережную. Потому что смысл жизни — это не только то, что написано в книгах. Это ещё и то, что написано в нас.

Ну что, поехали дальше? Впереди — средневековые. Религия. Бог. И ещё больше вопросов. Дядя Мойша, не ждите меня к ужину. Я задержусь. У меня тут графы. Узлы. Рёбра. И чёрная кошка в тёмной комнате, которая, кажется, начинает мурлыкать.

Глава вторая. Средневековые, или когда граф обрёл вертикаль

Средневековые. Само это слово звучит как что-то тёмное, мрачное, затянутое паутиной. «Тёмные века» — так их называют. Но, простите, а кто их так назвал? Люди эпохи Возрождения, которым очень нужно было подчеркнуть, что вот, мол, до нас была тьма, а теперь — свет. Как будто до них никто не смотрел на звёзды. Как будто до них никто не любил. Как будто до них никто не задавал вопрос: «А в чём, собственно, смысл?»

Дядя Мойша, услышав про «тёмные века», только фыркает: «Таки тёмные. Ещё какие. У меня в подвале светлее было, чем в некоторых средневековых монастырях». И, знаете, он не так уж далёк от истины. Потому что средневековые — это не только инквизиция, костры и чума. Это ещё и готические соборы, устремлённые в небо. Это ещё и универси-

тетские диспуты, где спорили до хрипоты. Это ещё и рукописи, переписанные от руки, страница за страницей, буква за буквой, в холодных кельях, при свете свечи, которая вот-вот погаснет.

И вот что интересно. Если античный граф смысла жизни был горизонтальным — человек смотрел вокруг, на мир, на себя, на полис, — то средневековый граф обрёл вертикаль. Появилось новое направление. Вверх. К Богу. И все рёбра, все связи, все узлы — всё теперь указывало на эту вертикаль. Смысл жизни больше не был здесь, на земле. Смысл жизни был — там.

Но прежде, чем мы начнём рисовать эти новые графы, давайте договоримся об одном. Я, конечно, сижу в своём цокольном этаже в Геленджике, и до средневековых монастырей мне — как до луны. Но, знаете, есть что-то общее между мной и теми монахами. Они сидели в кельях и переписывали книги. Я сижу в подвале и пишу книгу. Они смотрели в окно и видели Божий мир. Я смотрю в окно и вижу Геленджик. Они молились. Я спрашиваю нейросеть. Разница, конечно, есть. Но само стремление — стремление к поиску — оно одинаковое.

Итак, поехали...

Августин Блаженный, или граф с одним-единственным узлом

Аврелий Августин, он же Августин Блаженный, он же Августин из Гиппона. Человек, который жил в четвёртом-пя-

том веке и который, пожалуй, первым в истории западной мысли заглянул внутрь себя так глубоко, как до него никто не заглядывал. Он написал «Исповедь» — книгу, которая считается первой в истории западной литературы автобиографией, посвящённой внутренней жизни. До него люди писали о войнах, о царях, о богах. А он написал о себе. О своих грехах, о своих сомнениях, о своей матери Монике, которая молилась за него двадцать лет. О своих любовницах. О своём сыне, рождённом вне брака. О своём обращении. О своём Боге.

«Исповедь» — это не просто книга. Это — граф. И граф этот удивительный. Потому что у него есть один-единственный центральный узел. Узел, который называется «Бог». И все остальные узлы — «я», «грех», «память», «время», «любовь», «мать», «слёзы» — все они соединены с этим центральным узлом. Все рёбра идут к Нему. Или от Него. Третьего не дано.

И вот тут Августин произносит фразу, которая стала, пожалуй, самой цитируемой фразой во всей христианской мысли: «Ты создал нас для Себя, и беспокойно сердце наше, пока не успокоится в Тебе». Беспокойно сердце наше.

Я читаю эти слова, и у меня перехватывает дыхание. Потому что это — про меня. Это — про каждого из нас. Это — про то самое чувство, когда ты сидишь в цокольном этаже, перед тобой экран компьютера, и ты не знаешь, чего хочешь. Ты вроде бы всё имеешь — крышу над головой, еду,

море за окном, возможность писать книгу. А внутри — беспокойство. Какая-то дыра. Какая-то тоска. И ты не понимаешь, откуда она.

Августин понимал. Он говорил: эта тоска — от Бога. Мы созданы для Него, как стрелка компаса частенько показывает на север. И сколько бы мы ни крутились, сколько бы ни искали удовольствий, знаний, славы, любви — стрелка всё равно будет указывать туда. Вверх. К Тому, Кто нас создал.

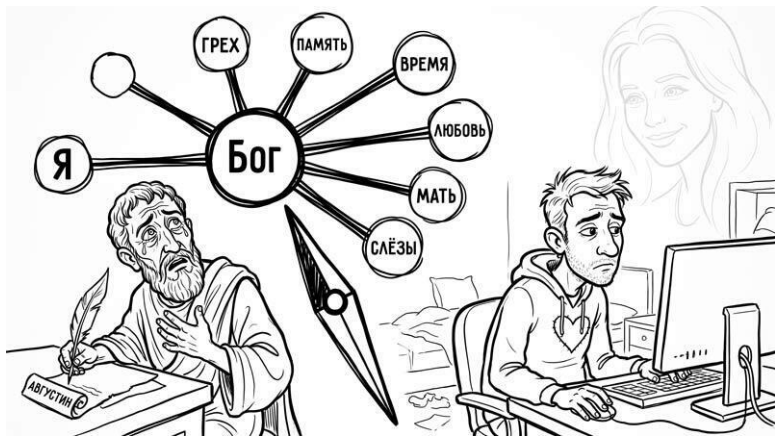
Звучит красиво? Очень. Но есть один вопрос. А что, если мы не созданы? А что, если стрелка компаса указывает на север не потому, что её создали для севера, а потому, что север — это просто точка на карте? А что, если беспокойство сердца — это не тоска по Богу, а просто тоска? Просто человеческая тоска, у которой нет адреса?

Нейросеть, когда я её спросил про Августина, выдала мне очень точный ответ. Она сказала: «Августин рассматривал время как растяжение души. Прошлое — в памяти, настоящее — в созерцании, будущее — в ожидании». И вот тут я задумался. Потому что если время — это растяжение души, то что такое вечность? И что такое Бог, который находится вне времени? И что такое я, который находится внутри времени и мучительно пытается его удержать?

Мама. Её уже нет. Но она есть — в моей памяти. В моём настоящем. В моём ожидании встречи. Августин сказал бы: вот оно, растяжение души. Вот оно, доказательство того, что душа — вне времени. Что любовь — вне времени. Что она

— там, в вечности, и ждёт меня. И, может быть, в этом и есть смысл. В том, чтобы однажды успокоиться. В Том, Кто вне времени.

Но я не уверен. Я просто спрашиваю.

Пьер Абеляр, или граф, у которого есть трещина

Пьер Абеляр. Двенадцатый век. Париж. Человек, который был, пожалуй, самым блестящим умом своей эпохи. Философ, богослов, логик. И — любовник. Его история с Элоизой, племянницей каноника Нотр-Дама, стала одним из самых известных любовных сюжетов в истории Европы. Они тайно поженились. У них родился сын. А потом каноник узнал, нанял людей, и те ночью проникли в комнату Абеляра

и оскостили его. Вот так.

После этого Абеляр ушёл в монастырь. Элоиза — тоже. Они переписывались до самой смерти. Их письма — одни из самых трогательных документов в истории европейской литературы.

Но нас сейчас интересует не это. Нас интересует другое. Абеляр написал книгу с невероятным названием: «Познай самого себя, или Этика». И ещё одну — «Sic et Non», «Да и Нет». В этой книге он собрал полторы тысячи цитат из Священного Писания и трудов отцов Церкви, которые противоречили друг другу. Он просто поставил их рядом. Да — и Нет. И предложил читателю думать самому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.